

Aleida Assmann

DAS NEUE UNBEHAGEN
AN DER ERINNERUNGSKULTUR

MÜNCHEN
VERLAG C.H.BECK, 2013

Введение

В 1930 году Зигмунд Фрейд опубликовал в Вене работу под названием «Недовольство культурой», где рассматривал культуру как коллективный проект, ограничивающий желания Эго ради общественного блага. По мысли Фрейда, технический прогресс, движущий культуру модерна, не приводит (на фоне растущей власти над окружающим миром) ни к субъективному ощущению счастья, ни к полному удовлетворению. Причину отсутствия счастья и внутреннего удовлетворения Фрейд видел не в обостряющемся сознании растущих опасностей и рисков, которые несет научно-техническая цивилизация, а в том, что экспансия культуры влечет за собой и экспансию супер-Эго, все больше подавляющего собой Эго. Культура, по мнению Фрейда, сталкивает индивидуума с непосильными вызовами и непомерными этическими требованиями. Предъявляемые человеку обществом «культурные идеалы» имеют слишком высокую цену, — а именно искусственно поддерживаемое сознание вины, на основе которого формируется индивидуальная совесть, поэтому «вследствие его усиления прогресс культуры оплачивается ущемлением счастья»¹.

Остановимся на этом базовом аргументе, ибо доводы Фрейда затрагивают самый нерв послевоенной немецкой истории: платой за культурный прогресс служит растущее чувство вины. Реинтеграция Германии в круг цивилизованных стран произошла на основе негативной памяти, которая

¹ *Freud S. Das Unbehagen in der Kultur (1930) // Freud S. Kulturtheoretische Schriften. Frankfurt/M., 1974. S. 218, 260; цит. по: Фрейд З. Неудовольствие культурой // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 311.*

включила собственную преступную предысторию в коллективное представление нации о себе и ритуально поддерживает чувство вины посредством ее общественного признания. Но вина, о которой идет речь, уже не является фрейдовским эдиповым конструктом, предполагающим, что сговорившиеся между собой братья убивают отца, главу архаичного племени; здесь имеется в виду уничтожение европейских евреев и других незащищенных национальных меньшинств, которое задумывалось, планировалось и осуществлялось немцами вместе с коллаборационистами из других стран.

Если фрейдовская идея об убийстве праотца была научным мифом, то геноцид евреев — это недавнее преступление против человечества, документально подтвержденное многочисленными историческими источниками. Бремя подобной вины значительно превосходит все, что можно себе представить, эмоционально выдержать и искупить; это бремя ложится тяжким грузом на следующие поколения, его приходится нести с собой в будущее.

«Мемориальная культура», которой посвящена эта книга, является ответом на данное историческое событие. С 1990-х годов понятие «мемориальная культура» утвердилось в научных дискурсах, в выступлениях политиков, в публикациях СМИ и даже в повседневной разговорной речи. Мы регулярно встречаемся с ним, будь то в воскресной проповеди или в передовице еженедельника «Шпигель», поэтому не отдаем себе отчет, насколько новым является это словосочетание — «мемориальная культура».

В данном случае, как я постараюсь показать, новым является не только словосочетание, но и обозначаемое им понятие. Однако почему ответ на тягчайшее преступление XX века появился так поздно? Почему о мемориальной культуре заговорили спустя годы после окончания Второй мировой войны? Почему молчание столь долго считалось наиболее подходящим решением? Новое понятие соответствует новому, кардинально изменившемуся соотношению между настоящим, прошлым и будущим. Мы вправе также констатировать глубокую смену ценностей, начавшуюся в 1980-е годы. Речь идет о сдвигах в очевидностях, которые не ставятся под сомнение и не подлежат обсуждению, ибо они являются частью наших устойчивых представлений о мире. Подобные умалчиваемые сдвиги нормативных координат экологии называют «Shifting

Baselines». Обычно люди не сознают происходящие в окружающем мире перемены социального или физического характера, поскольку «считают “естественным” то состояние окружающего мира, которое совпадает по времени с их биографией и жизненным опытом»².

Когда в 1989 году пала Берлинская стена, сокрушив и весь советский восточный блок, параллельно разрушилось еще нечто очень важное, а именно вера в модернизацию с ее надеждами на будущее и забвением прошлого.

Становление мемориальной культуры и падение веры в модернизацию непосредственно связаны друг с другом; они знаменуют собой постепенное осознание Западом совершающейся эволюции в восприятии времени³. Новая мемориальная культура радикально изменила традиционные формы коммеморации. Впервые за всю историю они относятся теперь не только к понесенным собственной страной жертвам войны, скорбно оплакиваемым или чествуемым как герои, но и к жертвам собственных преступлений, ответственность за которые ложится на государство и на последующие поколения. Подобная самокритичная коммеморация является совершенно новым историческим явлением.

Мемориальная культура формировалась в Германии на протяжении трех десятилетий с большой энергией, немалыми финансовыми затратами и значительными усилиями гражданского общества; за это время она обросла огромным количеством музеев, различных проектов, мероприятий и программ, став для всех зримой и общедоступной. Средства массовой информации обеспечили мемориальной культуре естественное вхождение в повседневный быт; она присутствует теперь непосредственно у порога дома, например в виде «камня преткновения»; она запечатлена в выдающихся памятниках и монументах общенациональной значимости. После начальной фазы интенсивного роста мемориальная культура проходит ныне своего рода экзамен на аттестат зрелости. Какую роль займут теперь воспоминания в нашем обществе?

² Giesecke D., Welzer H. Das Menschenmögliche. Zur Renovierung der deutschen Erinnerungskultur. Hamburg 2012. S. 166; ср.: Radkau J. Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt. München, 2002. S. 164 ff.

³ Ср.: Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne. München, 2013.

Следует ли продолжить развитие мемориальной культуры, и если да, то как? Куда ведет избранный путь и кто пойдет этим путем? Вот несколько фундаментальных вопросов актуальной повестки дня.

«Вскоре будет похоронен последний “пимпф”, которого можно упрекнуть в том, что он являлся членом детской нацистской организации, и который своевременно не покаялся в этом», — писал Герман Люббе в 2008 году⁴. По мнению Харальда Вельцера, «многое под-сказывает, что интенсивность воспоминаний о национал-социализме, о войне и Холокосте со временем спадет и девитализируется». Вельцер связывает это с тем, что «по мере подрастания четвертого и пятого поколения после Холокоста исчезнет непосредственная историческая связь с этим историческим комплексом»⁵.

Короткая историческая эпоха живых свидетелей скоро закончится. Но приблизятся ли к «естественному» концу и воспоминания об этой исторической эпохе? Превратятся ли вскоре Вторая мировая война и Холокост всего лишь в соответствующие главы в исторической монографии (Франк Ширрмахер)? Событие приобретает статус исторического факта, принадлежащего прошлому, когда это событие перестает быть частью нормативной самоидентификации коллективного «мы»: о нем можно забыть, отдав его на откуп историкам. В противном случае действует формула: «Мы не вправе забывать это как граждане нашей страны». На возможность самоидентификации с негативным историческим опытом указывал еще Ницше: поскольку мы являемся «...продуктами прежних поколений, то мы являемся в то же время продуктами и их заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений, и невозможно совершенно оторваться от этой цепи. Если даже мы осуждаем эти заблуждения и считаем себя от них свободными, то тем самым не устраняется факт, что мы связаны с ним нашим происхождением»⁶.

⁴ *Lübbe H.* Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über Beschwingende und Historisierte Vergangenheiten. München, 2007. S. 132.

⁵ *Giesecke D., Welzer H.* Das Menschenmögliche. S. 73.

⁶ *Nietzsche F.* Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben // Nietzsche F. Werke in drei Bänden / Schlechta K. (hrsg.) München, 1962. Bd. 1. S. 229—230; цит. по: *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 178.

Поэтому вопрос не в том, есть ли будущее у мемориальной культуры после следующего за историческим событием поколения и поколения, идущего за ним, сколько в том, как надлежит направлять развитие мемориальной культуры, какие проблемы, опасности, вызовы и шансы ожидают нас в будущем. Воспоминание — динамический процесс, который испытывает внутреннее давление и воздействие изменяющихся внешних обстоятельств. Предложенный Фридрихом Ницше генеалогический концепт «цепи» или «истока» предполагает наличие этнического коллектива, объединенного общей виной; такой коллектив невозможно сохранить в эпоху глобализации, миграции и связанной с ними плюрализации воспоминаний. Мы переживаем демографический и культурный поворот, поэтому помимо обновления и адаптации к складывающимся условиям нам необходимы формы рефлексии и дискурсы о решениях относительно выбора того или иного направления. Ныне крайне актуальна самокритичная дискуссия о месте, где мы находимся, и о динамике развития немецкой мемориальной культуры.

Непосредственным импульсом для написания данной книги послужило растущее недовольство мемориальной культурой, которое выражается во множестве различных высказываний и настроений. Оно отчетливо сигнализирует, что достигнута поворотная точка, где намечаются и уже происходят важные перемены в мемориальной культуре XXI века. Этот поворот характеризуется, прежде всего, двойной сменой поколений. С одной стороны, мы, как уже сказано, переживаем конец «эпохи очевидцев», которые до сих пор играли роль посредников, служили мостом между историей как личным опытом и просто дидактическим материалом. Очевидцы, уцелевшие участники исторических событий, выступая в школах или на мемориальных мероприятиях, способствуют приобретению живых впечатлений, пусть даже из вторых рук; эти встречи и само историческое событие останутся в личной памяти молодых людей из подрастающего поколения иначе, чем это происходит с цифрами и фактами, запечатленными памятью как чисто когнитивной способностью человека.

С другой стороны, мы наблюдаем сейчас завершение «интерпретативных полномочий» (*Deutungsmacht*) поколения 1968 года, которое вместе со старшим поколением бывших «помощников средств ПВО»

(Flakhelfergeneration) и детей военных лет несут ответственность за состояние мемориальной культуры в качестве архитекторов, планировщиков или руководителей и соответствующих учреждений. Эти поколения должны передать свои полномочия в новые руки. Нынешняя дискуссия о недовольстве мемориальной культурой служит ясным признаком того, что новое поколение во все большей мере принимает на себя «интерпретативные полномочия», заявляя о себе собственными представлениями, эмоциями, идеями, ценностями и концепциями. Мое решение вновь вмешаться в эту дискуссию обусловлено тем, что она ставит фундаментальные вопросы о состоянии, целях, формах и перспективах немецкой мемориальной культуры, столь же актуальные, как и захватывающие. Настало время осмыслить эти насущные вопросы и вызовы, которые затмеваются рутинной повседневной деятельностью, связанной с жизнью мемориальной культуры.

Помимо ухода очевидцев и смены поколений существуют и другие причины для нынешнего недовольства немецкой мемориальной культурой. Воспоминания о Второй мировой войне и Холокосте приобретут вскоре исключительно медиатизированный характер. Важную роль играет существенное изменение медийного ландшафта из-за всеобщей доступности электронных средств массовой коммуникации и особенно социальных сетей. Какое значение имеет национальная принадлежность в цифровом мире, где каждый в равной мере удален от каждого или близок каждому и обладает доступом к тому же самому репертуару визуальных образов, печатных текстов или звуковых файлов? Интенсивная миграция кардинально изменила и состав общества. К тому же немцы проявляют все большую склонность воспринимать собственную историю как часть общеевропейской истории. Все это требует новых подходов к прошлому, которые, в свою очередь, влияют на качество мемориальной культуры.

Речь Мартина Вальзера, произнесенная в 1998 году во франкфуртском соборе Святого Павла по случаю присуждения Премии мира, побудила меня изучить эту речь и проанализировать развернувшуюся вокруг нее дискуссию⁷. В этой дискуссии раздавались возмущенные голо-

⁷ *Assmann A., Frevert U. Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart, 1999.*

са, заставившие меня разобраться с фигурировавшими в ней ключевыми понятиями и сделать их предметом детальной рефлексии. Предлагаемое здесь критическое освещение немецкой мемориальной культуры простирается от новейших медийных продуктов вроде телесериала «Наши матери, наши отцы», который транслировался каналом ZDF, до далекоидущих транснациональных коннотаций. Анализ не ограничивается наличным состоянием дел, ибо включает дискуссию о немецкой мемориальной культуре в широкий европейский и глобальный контекст. Тем самым рассмотрение мемориального дискурса не замыкается на немецкой специфике, а вопрос о значении и будущем мемориальной культуры обретает еще и транснациональную перспективу.

Многие вопросы, связанные с нынешним поворотным моментом, не могут, разумеется, претендовать на исчерпывающее освещение. Задача данной книги состоит в том, чтобы проанализировать основные понятия и темы, фигурирующие в дискуссии вокруг недовольства мемориальной культурой, воздать им должное как ценным критическим импульсам. Одновременно будет предпринята попытка уточнить понятийный аппарат, очертить основные проблемы и тем самым создать более прочную основу для этой важной дискуссии. Хотелось бы показать, что, несмотря на очевидные проблемы и порой ложные пути их решения, мемориальная культура является несущей опорой гражданского общества. Недовольство зачастую проявляет себя как раздражение, фрустрация, перерастает в ожесточенную полемику. Не всегда ясен предмет недовольства. Идет ли речь о личных инвективах? О споре экспертов относительно направлений развития мемориальной культуры? О возражениях против мемориальной культуры и ее общем неприятии? В различных голосах мне слышится проявление кризиса, о чем свидетельствует и эмоциональность высказываний. Они в свою очередь обнаруживают наличие накопившихся неразрешенных проблем, еще не вышедших на дискуссионный уровень. Данная книга призвана вывести недовольство мемориальной культурой на уровень критического обсуждения и внести посильный вклад в более глубокое осмысление и обновление нашего совместного проекта мемориальной культуры.